



DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-4-648-658

Научная статья / Research article

Гражданская идентичность: разнообразие смыслов и достижение солидарности

М.М. Мчедлова^{1, 2}, О.Л. Саркисян³

¹Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

²Институт социологии – обособленное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

³Российско-Армянский университет, Ереван, Республика Армения

Аннотация. Понятие идентичности является отражением происходящих сдвигов в политических теориях, демонстрируя включение в политическую рефлексию и политический анализ внешних параметров, ранее не попадавших в оптику собственно политических исследований. Акцент на социокультурной проблематике фиксирует не только отход от линейной нормативности политических теорий и прагматики, но и поиск объяснительных моделей современности, несводимых к институциональной детерминированности. Дискуссионность и многозначность понятия гражданской идентичности накладывает на необходимость интерпретации процессов построения гражданских общностей в независимых странах после распада СССР (на примере России и Армении), возможностей протестной и проектной идентичности. Методология статьи отталкивается от признания принципа несводимости к нормативному пониманию построения гражданской идентичности. Авторы выделяют причинные комплексы, предопределяющие построение гражданской идентичности, ими также освещаются различия в понимании и путях построения гражданских общностей, их ценностного центрирования в России и Армении. Определены общие черты гражданской идентичности: потребность в солидарных основаниях, снятии партикулярности, формировании образа будущего.

Ключевые слова: идентичность, гражданская идентичность, протестная идентичность, проектная идентичность, солидарность, нация, Россия, Армения

Для цитирования: Мчедлова М.М., Саркисян О.Л. Гражданская идентичность: разнообразие смыслов и достижение солидарности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23. № 4. С. 648–658. DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-4-648-658

Благодарности: Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ и КН РА в рамках научного проекта № 20-511-05025 – арм_а «Развитие гражданской идентичности на постсоветском пространстве: тенденции, вызовы, риски (на примере России и Армении)».

© Мчедлова М.М., Саркисян О.Л., 2021



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Civic Identity: Diversity of Meanings and Achievement of Solidarity

M.M. Mchedlova^{1,2}, H.L. Sargsyan³

¹Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian

²Federation Institute of Sociology – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

³Russian-Armenian University, Yerevan, Republic of Armenia

Abstract. The concept of identity reflects the ongoing shifts in political theories when external parameters that did not previously fall into the optics of political research become a part of political reflection and political analysis. Emphasizing sociocultural issues captures not only the departure from the linear normativity of political theory and pragmatics but also the search for modern explanatory models that cannot be reduced merely to institutional determinism. The controversy and ambiguity of the civic identity concept are imposed on the need for interpreting the formation of civic communities in the newly emerged independent countries after the collapse of the Soviet Union (on the example of Russia and Armenia), including the possibilities of protest and project identity. Methodologically the article is based on the perception that the construction of civic identity cannot be reduced to the normative understanding only. The authors bring out the causal complexes that predetermine the construction of civic identity, while also highlighting the differences in how civic communities and their value focuses are perceived and constructed in Russia and Armenia. The authors also define the general features of civic identity, which can be described as a common basis of solidarity, the removal of particularity and a shared vision of the future.

Keywords: identity, civic identity, resistance identity, project identity, solidarity, nation, Russia, Armenia

For citation: Mchedlova, M.M., & Sargsyan, H.L. (2021). Civic identity: Diversity of meanings and achievement of solidarity. *RUDN Journal of Political Science*, 23(4), 648–658. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-4-648-658

Acknowledgements: The reported study was funded by RFBR and SC RA, project 20-511-05025 “The development of civic identity in the post-Soviet space: trends, challenges, risks (on the example of Russia and Armenia)”.

Введение

Теоретические координаты исследования современного общества зависят от ключевого посыла: качественные изменения институтов, ценностей, норм, способов поведения и способов мысли невозможно интерпретировать в рамках единой универсальной теории. Дрейф от универсализма к партикуляризму, очевидно проявляющийся в теории, знаменует собой конец Больших Нарративов, свидетельством чего является потеря институциональной парадигмой монопольного положения интерпретации политической реальности. Долгое время господствовавшие нормативные теории предлагали рефлексивные обоснования исчислению соответствия/несоответствия культурных и политических феноменов различных обществ определенным эталонам, однако их применимость потеряла универсальный характер. Подобное ограничение

эпистемологического потенциала классических парадигм сопряжено с проблемой концептуализации и легитимации политического институционального каркаса и идейных дискурсов. Онтологическое и познавательное соотношение универсализма и партикуляризма в условиях включения в арсенал политических рефлексивных схем из внешних областей знания актуализировало вопросы о положительном или отрицательном воздействии традиций на современный мир, а также смещение от институциональной монополии в сторону признания необходимости совокупности культурных норм и ценностей, обеспечивающих существование общества.

Включение социокультурных оснований в политические и теоретические трансформации современного мира фиксирует не только тенденции признания множественности путей развития и множественности моделей познания, но и изменения политических стратегий и институтов, фундаментом и легитимацией которых выступают социокультурные и цивилизационные основания, различия и проявления¹. В политической практике это отражается в возникновении новых политических структур и субъектности, когда этническое или религиозное основание становится необходимым и достаточным условием для политических деяний, а также конкурирующих дискурсов и оценок. Потребность в адекватном аналитическом инструментарии заставила обратиться к концептам, описывающим социокультурные и психологические стороны происходящих трансформаций, ключевым из которых выступил концепт идентичности и выстраиваемые вокруг него интерпретативные схемы, создавая пространство идентитарных исследований. Смысловая многослойность понятия идентичность, его «многомерность», делает его как непродленным, так и порождает новые направления исследования, идеи, точки роста теоретических поисков и идейных дискурсов. «Идентичность как многомерная аналитическая категория и, одновременно, как субъективная реальность, отражающая восприятие социальности в сознании ее носителей и в публичном дискурсе, дает в этом смысле большие возможности для понимания мотиваций и оценки перспектив изменений» [Семененко 2016:9].

Идентичность: от метафизики к категории политического знания

Смыслы понятия идентичности стали не только доминирующими в современном политическом знании, но и основаниями политических практик различных уровней. Содержательная эволюция понятия «идентичность» отталкивается от собственно философского, относящегося к метафизической

¹ Можно проследить логику смысловых метаморфоз, зависящих от Больших потрясений: если Великая Французская Буржуазная революция привела к возникновению понятия цивилизации во множественном числе и с маленькой буквы, тем самым сыграв роль эпистемологического предвестника признания культурного плюрализма, то нынешние качественные трансформации социального бытия привели к повышению значимости цивилизационной устойчивости и критерия идентичности [Мчедлова 2016].

проблематике, смысла: идентичность «не есть причина универсума, а сам универсум» (Б. Спиноза), «всеобщность бытия» (М. Хайдеггер), что подробно рассматривается в работах В. Малахова [Малахов 1998]. Онтологическое рассмотрение идентичности как тождества субстанции самой себе, а также, одновременно, применительно к индивиду, обладающему сознанием, перетекло в основание прагматического использования концепта идентичности в политическом знании и дискурсе. Ясно прослеживаемая современная тенденция употребления понятия «идентичность» в качестве категории собственно социального знания, прежде всего, при исследовании социокультурных общностей различного порядка предполагает в качестве синонимических конструкций понятия «самоопределение», «самоотождествление», «самобытность» «групп в качестве относительно устойчивых, „тождественных самим себе“ целостностей».

Познавательный интерес к использованию данного понятия настолько ярко выражен, что существующие определения с трудом приводятся к общему знаменателю с помощью сужения проблемного поля за счет предикатов. В условиях деструктуризации социальности и делигитимации политических учреждений, «поиск идентичности становится равнозначным поиску смыслов и путей создания новых социальных структур» [Castells 1999:53]. Операционализация концепта «идентичность» применительно к объяснению политического процесса демонстрирует не только наличие широкого спектра интерпретаций содержания данного понятия, но и конкурирующие идейные смыслы и политические стратегии [Мchedlova, Казаринова 2020]. Постоянно возникающие новые интерпретативные оптики политического анализа направлены на включение понятий «идентичность», «устойчивость», «историческая память», «традиция» в понятийный инструментарий политической теории, а параметров соответствующих референтов в политическую ткань «в форме дебатов об идентичности» [Touraine 1973:360]. Определяя идентичность как осознанное самоопределение социального субъекта, А. Турен настаивает на трех необходимых признаках: потребности в принадлежности, потребности в позитивной самооценке и потребности в безопасности. Последний параметр представляется сегодня определяющим и задающим ориентиры интерпретаций понятия и соответствующему политическому целеполаганию.

Процесс самоидентификации политической общности предполагает обращение к пространственно-временным параметрам: он нуждается в общей истории и наполненной смыслами территории – витальными, культурными и политическими, что в совокупности представляет собой измерение идентичности. Идентичность включает в себя коллективные представления об общем благе, соотнесение коллективного прошлого, настоящего и будущего, аккумулируясь в ценностных и институциональных составляющих, служащих основой политического единства. Предметное поле сравнительно недавно появившегося в общественном знании понятия гражданской нации пересекается с

предметным полем понятия идентичности, а область пресечения может быть описана понятием «общенациональное самосознание»². Определение, во-круг которого строится Стратегия государственной национальной политики РФ, дано исходя, прежде всего, из гражданского смысла идентичности. Вместе с тем смысловой консенсус в Стратегии достигался тем, что было внесено дополнение (п.11): «Общероссийская гражданская идентичность основана на сохранении русской культурной доминанты, присущей всем народам, населяющим Российскую Федерацию». А чтобы это не воспринималось как ассимиляционная стратегия, поясняется, что в единый культурный (цивилизационный) код входит «историческое и культурное наследие всех народов Российской Федерации и вместе с общечеловеческими принципами лучшие достижения народов интегрированы в единую российскую культуру» [Дробужева 2020а:486].

При этом наблюдается изменение понятийного инструментария, используемого для описания и познания сущности и атрибутов изучаемой реальности: все больше используют концепты «политика идентичности», «политика памяти», «культурная память», «коммеморативные практики» [Историческая память... 2018], становящиеся в политическом дискурсе и инструментальной политике легитимирующими основаниями суверенитета, стратегического позиционирования, солидаризирующих параметров. Однако, насколько становящиеся столь популярными понятия применимы к различным референтным базам постсоветских стран: например, при артикулированной политике идентичности³ можно зафиксировать скорее ее отсутствие в Армении. Единственная попытка такой политики, логика которой предполагала определенное нациестроительство, выразилась в своеобразном концепте «нация–армия», предложенном в 2016 г. бывшим руководством Республики Армения, судьба которого была короткой и неуспешной.

Соответственно, основной проблемой современного научного поиска в исследуемой области становятся не столько параметры институционального дизайна, сколько вопрос о необходимости существования в обществе консенсуса относительно базовых ценностей при наличии различных мировоззренческих и иных предпочтений, а также символические параметры исторической и

² Подобный взгляд обстоятельно раскрыт в работах академика РАН В.А. Тишкова. [Тишков 2013]. Данный подход нашел отражение в Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (с изменениями на 6 декабря 2018 года)», где дается следующее определение: «Общероссийская гражданская идентичность (гражданское самосознание) – осознание гражданами Российской Федерации их принадлежности к своему государству, народу, обществу, ответственности за судьбу страны, необходимости соблюдения гражданских прав и обязанностей, а также приверженность базовым ценностям российского общества». Официальный портал «Кодекс». URL: <https://docs.entd.ru/document/902387360> (дата обращения: 30.08.2021).

³ Под политикой идентичности понимается «целенаправленная деятельность разных политических акторов, включая распространение ключевых представлений о своем сообществе, его характеристиках, системе *Мы / Они, Другие, Чужие, Враги*» [Фадеева, Назукина 2020:213].

ценностной преимущества, позволяющие не только обеспечивать коллективные политические и социальные практики в настоящем, но и формирующие образ желаемого будущего, определяя проектную идентичность.

Теоретическая модель М. Кастельса, предполагающая классификацию идентичности на легитимирующую идентичность (*legitimizing identity*), протестную идентичность (*resistance identity*) и проектную идентичность (нацеленную на будущее) (*project identity*) [Castells 1999], очерчивает политический потенциал субъектов, способных через протестную идентичность перейти к идентичности, устремленной в будущее: это религиозные, национальные и территориальные сообщества. После распада Советского Союза произошел взрыв национализма в республиках, выпавших из орбиты универсализирующих интенций Большого государства. Это представляется закономерным обращением к устойчивому основанию – этничности, сформировавшей границы протестной идентичности, основанием которой также является солидарность – переживание единства проблем и целеполагания.

Протестная идентичность противопоставляла собственные устойчивые ценностные структуры как современным, так и ушедшим в прошлое. Активизация этнического и национального самосознания предопределила изменение политического поведения и государственных стратегий, во многом строившихся на поисках и утверждении «самости»: через переопределение и протест утвердить и легитимировать субъектность возникших государств и стать логикой конструирования будущего. Подтверждением выступает достаточно негативное отношение в армянском общественном и политическом дискурсах к словосочетанию «трансформация идентичности», отрицающих подобную проблему и делающих акценты на сохранении идентичности, но не на трансформации и развитии. Подобное отношение к смыслам понятий имеет и семиотическое объяснение: в армянском языке слово «ազգ» (*azg*) – это нация, но не в западном понимании нации (*nation*), а в понимании принадлежности к роду, своеобразное примордиалистское восприятие как кровнородственного этнического сообщества, возникшего из одного корня и прошедшего тысячелетия истории.

Однако, насколько этничность как смыслообразующий стержень идентичности коррелирует на постсоветском пространстве с традициями государственности различных стран, в какой степени актуализирует возможность перешагнуть через самое себя и достигнуть более высокой ступени солидарности – гражданской? Еще одним исследовательским вопросом может служить поиск объяснений отсутствия демонстрации странами постсоветского пространства более высоких темпов развития – в экономике, культуре, политической жизни, повышении благосостояния, ценностных контекстах. Общества не стали более гуманными, более культурными, более образованными, чем это было в рамках единого государства. Соответственно, можно предположить два варианта объяснения происходящего: либо мы наблюдаем политические осколки, сравнимые с осколками, возникшими после распада Римской или Византийской империй, либо мир поменялся, и государства смогут более

грамотно позиционировать себя в мировой истории и мировой политике, для чего представляется действенным познавательный арсенал понятий идентичности и гражданской идентичности.

Гражданская идентичность как ресурс солидарности

Гражданская идентичность может быть рассмотрена как отождествление себя с гражданами страны, представление о государстве, стране, образ «Мы», чувство общности, солидарности, ответственности за дела в стране, включающее в себя не только когнитивные и эмоциональные компоненты, но и поведенческие. По мнению Л.М. Дробижевой, именно деятельностные элементы отличают гражданскую идентичность от иных форм, прежде всего от государственной и страновой [Дробижева 2020b]. Идентичность в таком определении – это «не только лояльность государству, его правовым нормам, но и консолидация с гражданами страны, их готовность участвовать в принятии политических решений и брать ответственность за дела в стране. Она является отражением в сознании граждан политической нации» [Дробижева 2020a:486].

Широко дискутируемый вопрос включения деятельностной компоненты пересекается с управленческими исследованиями: как возможно «беспокойство» за общее благо? Каким образом деятельностная составляющая, в отличие от национальной или государственной идентичности, соотносится с институтами гражданского общества, с интересами, целеполаганием и ценностями всего многообразия политических и социальных акторов. Методологическое расширение формулировки понимания гражданской нации⁴ призвано поставить на первое место не партикулярное этническое, а именно общее – единство, консенсус ценностей, соответствующие общие цели, задачи для всех граждан, для всех групп населения, а не только этнонациональных. Социологические исследования фиксируют подобную ситуацию в России: по данным опроса ВЦИОМ (всероссийское исследование, выполненное по заказу Федерального агентства по делам национальностей, N=2000) в конце 2019 г. российская гражданская идентичность фиксировалась в ответах 91% респондентов, по данным ФНИСЦ РАН (всероссийское исследование ИС ФНИСЦ РАН, N=2000), в сентябре 2020 г. чувство общности с гражданами России испытывали также 91% россиян, причем показатели и русских и нерусских практически совпадают⁵.

Для языка политики более приемлемы и понятны такие термины, как солидарность, сплоченность, согласие относительно общих целей, ценностей,

⁴ В Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (с изменениями на 6 декабря 2018 года)» гражданская нация понимается как «многонациональный народ Российской Федерации (российская нация) – сообщество свободных равноправных граждан Российской Федерации различной этнической, религиозной, социальной и иной принадлежности, обладающих гражданским самосознанием» // Официальный портал «Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/902387360> (дата обращения: 02.08.2021).

⁵ Более подробно подтверждено количественными и качественными социологическими данными в [Дробижева, Рыжова 2021].

интересов (что включается в параметры национальной безопасности), фиксирующих как субъективные и моральные аспекты единства, так и объективные основания. Включение политической компоненты в гражданственность актуализирует соотношения государства и гражданского общества, поскольку «гражданская идентичность опирается как на институты гражданского общества, так и на вовлеченность граждан в различные формы самоорганизации (НКО, волонтерская работа, инициативы местных сообществ)» [Дробижева 2020а:486]. Этот конгломерат солидарностей выступает драйвером укрепления гражданской идентичности, когда просто человек, подданный или гражданин государства становится Гражданином с большой буквы. Одновременно такой ракурс интерпретации имплицитно задает методологический вопрос о применимости этой дихотомии – государство/гражданское общество для незападных социокультурных общностей, таких, как, например, Россия и Армения.

Не исключая этнической компоненты, политическое единство, отражаемое в гражданской идентичности, обеспечивается, вероятно, тремя причинами. Первая причинность связана с институтом государства, а также общими целями, смыслами в истории и культуре, согражданством, включая институты прав и свобод человека, равенство прав граждан вне зависимости от любого частного начала. Вторая – связана с нацеленностью на общее благо, с универсальными правилами, которые формируются и оформляются юридически, следуя логике, что «нация как гражданско-политическая общность людей есть «конституционный патриотизм» (Ю. Хабермас), «продукт работы конституции в теле этноса» (М. Мамардашвили), воспроизводимой П. Гречко [Гречко 2015:13]. Третья причинность представляет собой принцип солидарности, без которого невозможно существование любых форм социальных идентичностей. Согражданство предполагает солидарность и коллективные политические векторы, вне зависимости от идеологических разногласий. Все групповые солидарности, начиная от государственно-бюрократических и заканчивая локальными, могут иметь позитивные значения, только при включенности в гражданскую солидарность, иначе как частные идентичности они будут стремиться к оформлению себя в онтологическом статусе, что несет в себе потенциал деструкции. Так, например, в армянском политическом дискурсе и массовом сознании понятия “национальный” и “демократический” по ряду причин сформировали оппозицию друг другу, а также стали “жертвами” внутривнутриполитических конфликтов, а между понятиями “армянин” и “гражданин Республики Армения” сегодня также существует “конфликт” [Саркисян, Дунамалян 2020:57–58]. Утверждение о существовании единой армянской идентичности⁶ имплицитно задает вопрос о совместимости гражданской идентичности армян Соединенных Штатов или Российской Федерации и армян,

⁶ Понятие единой армянской идентичности не привязано к государственным границам, оно является основанием для понятий «глобальная нация», «сетевое армянское общество» представляющиеся достаточно спорными: национальные интересы России с большой долей вероятности представляются более смыслополагающими для армян – граждан России, чем интересы армянской нации, что влечет к опровержению существующих представлений и разочарованию в предлагаемых критериях идентификации [Саркисян 2019].

живущих в Республике Армения как носителей не только армянской этнической, культурной, конфессиональной идентичности, но также гражданской идентичности государств, гражданами которых они являются.

Как ключевое измерение гражданской идентичности, чувство согражданства/согражданственности, то есть солидарность, снимающая частные различия, может использоваться как ресурс развития и моноэтнического общества, поскольку разделение и «трайбализация» проходит не только по этническим границам (этнические и религиозные различия более заметны), но и по социальным, ценностным, идейным, имущественным и т. д. В метафизической проекции представляется очевидным, что для онтологической солидарности необходимо признание высшей ценностью общего блага. В практической плоскости не менее очевидно, что общее благо не является признанной общественной ценностью ни для граждан, ни для государства, ни для групп, обладающих властным ресурсом, являясь «правлящим классом» [Моска 1994].

Идейная эволюция государственных ценностных приоритетов постсоветских государств имеет некие общие черты, это прежде всего амбивалентный процесс одновременной либерализации, сопровождаемый деидеологизацией. Ситуация «реидеологизации» в современной России на основе предлагаемого верховной властью консервативного основания консенсуса является логическим продолжением политики нациестроительства, реализации проекта российской гражданской нации, тогда как в Армении ситуация иная – отсутствие схемы более или менее долгосрочного стратегического развития государства и нации. Это предопределяет различные понимания гражданской идентичности и связанных с ней понятий в гуманитарном знании и общественном сознании двух стран.

Заключение

Тридцать лет социально-политических трансформаций в постсоветских странах затронули практически все уровни социального бытия: от экономики и политических институтов до внутреннего мира человека. Формирование общегражданской идентичности в России и Армении зависит от многих причин, таких как: последствия пережитой за годы реформ «культурной травмы», общий и специфический исторический опыт, особенности его субъективного осмысления, динамика материального положения, самоощущение своего социального статуса в обществе, но также определяется и легитимностью и эффективностью институтов, которые призваны выражать и защищать интересы граждан исследуемых стран. Вместе с тем болезненный процесс социально-политических трансформаций после распада универсализирующего и мощного политического и ценностно-идеологического образования – СССР высветил устойчивость «порождающей грамматики» национальных менталитетов и составляющих его основу базовых смыслов.

Поступила в редакцию / Received: 01.08.2021

Принята к публикации / Accepted: 15.08.2021

Библиографический список

- Гречко П.К. Мы – многонациональный народ, или Есть ли нация у народа? // *Личность. Культура. Общество*. 2015. Том XVII. Вып. 3–4 (№ 87–88). С. 8–20. DOI: 1606=951X.2015.2.2079
- Дробизжева Л.М. Смыслы общероссийской гражданской идентичности в массовом сознании россиян // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2020а. № 4. С. 480–498. DOI: 10.14515/monitoring.2020.4.1261
- Дробизжева Л.М. Российская идентичность: поиски определения и динамика распространения // *Социологические исследования*. 2020b. № 8. С. 37–50.
- Дробизжева Л.М., Рыжова С.В. Общероссийская идентичность в социологическом измерении // *Вестник российской нации*. 2021. № 1–2 (77–78). С. 39–52.
- Историческая память и российская идентичность / под ред. В.А. Тишкова, Е.А. Пивневой. М.: РАН, 2018.
- Малахов В.С. Идентичность // *Новая философская энциклопедия*. Т. 2. М., 2001. С. 78.
- Малахов В.С. Неудобства с идентичностью // *Вопросы философии*. 1998. № 2. С. 43–53.
- Моска Г. Правящий класс // *Социологические исследования*. 1994. № 10. С. 187–198.
- Мчедлова М.М. Социокультурные смыслы политики: новая логика интерпретации и религиозные референции // *Полис. Политические исследования*. 2016. № 1. С. 157–174.
- Мчедлова М.М., Казаринова Д.Б. Политика идентичности: конкуренция новых теоретических смыслов и политических стратегий // *Политическая наука*. 2020. № 4. С. 13–35.
- Саркисян О.Л. О совместимости модели «глобальной нации» с проектом национального государства (на примере Армении и армянства) // *Траектории политического развития России: Институты, проекты, акторы: материалы Всероссийской научной конференции РАПН, г. Москва, МПГУ, 6–7 декабря 2019 г.* / под ред. О.В. Гаман-Голутвиной, Л.В. Сморгунува, Л.Н. Тимофеевой. М.: МПГУ, 2019. С. 354–355.
- Саркисян О.Л., Дунамалян Н.А. Динамика трансформации гражданской идентичности в современной Армении: факторы и субъекты // *Полис. Политические исследования*. 2020. № 2. С. 53–72. DOI: 10.17976/jpps/2020.02.05
- Семенов И.С. Политика идентичности и идентичность в политике: этнонациональные курсы, европейский контекст // *Полис. Политические исследования*. 2016. № 4. С. 8–28. <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.04.03>
- Тишков В.А. Российский народ. История и смысл национального самосознания. М.: Наука, 2013.
- Фадеева Л.А., Назукина М.В. Институционализация политической науки в России: факторы, уровни, результаты (на примере идентитарных исследований) // *Политическая наука*. 2020. № 1. С. 201–220.
- Castells M. *L'ère de l'information. Le pouvoir de l'identité*. Paris, Fayard, 1999.
- Touraine A. *Production de la société*. Paris, 1973.

References

- Castells, M. (1999). *L'ère de l'information. Le pouvoir de l'identité*. Paris, Fayard, 1999. (In French).
- Drobizheva, L.M. (2020b). All-Russian national identity: Searching for definition and distribution dynamics. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*, 8, 37–50. (In Russian).
- Drobizheva, L.M., & Ryzhova, S.V. (2021). All-Russian identity in the sociological dimension. *Bulletin of Russian nation*, 1–2, 39–52. (In Russian).
- Drobizheva, L.M. (2020a). The meanings of All-Russian civic identity in Russian mass consciousness. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 4, 480–498. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.4.1261>. (In Russian).
- Fadeeva, L.A., & Nazukina, M.V. (2020). Institutionalization of political science in Russia: Factors, levels, results (on the example of identitarian studies). *Political science (RU)*, 1, 201–220. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.01.08> (In Russian).
- Grechko, P.K. (2015). We are a multinational people, or does the people have a nation? *Personality. Culture. Society*. XVII, 3–4 (87–88), 8–20. DOI: 1606=951X.2015.2.2079 (In Russian).

- Malakhov, V.S. (1998). Inconveniences with identity. *Voprosy Filosofii [Problems of Philosophy]*, (2), 43–53. (In Russian).
- Malakhov, V.S. (2001). Identity. In *New Philosophical Encyclopedia* (p. 78). Vol. 2. Moscow. (In Russian).
- Mchedlova, M., & Kazarinova, D. (2020). The identity politics: competition of new theoretical meanings and political strategies. *Political science (RU)*, (4), 13–35. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.04.01> (In Russian).
- Mchedlova, M.M. (2016). Sociocultural meanings of politics: New logic of interpretation and religious references. *Polis. Political Studies*, (1), 157–174. <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.01.11> (In Russian).
- Mosca, G. (1994). The ruling class. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*, (10), 187–198. (In Russian).
- Sarkisyan, H. (2019). On the compatibility of the “global nation” model with the national State project (on the example of Armenia and the Armenians). In O.V. Gaman-Golutvina et al. (Eds.), *Trajectories of Russia's Political Development: Institutes, projects, actors: materials of the All-Russian Scientific Conference RAPS* (pp. 354–355). Moscow: MPSU. (In Russian).
- Sarkisyan, H.L., & Dunamalyan, N.A. (2020). The dynamics of civil identity transformation in modern Armenia: Factors and subjects. *Polis. Political Studies*, (2), 53–72. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.02.05> (In Russian).
- Semenenko, I.S. (2016). Identity politics and identities in politics: Interethnic perspectives in a European context. *Polis. Political Studies*, (4), 8–28. <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.04.03> (In Russian).
- Tishkov, V.A. (2013). *The Russian people. The History and meaning of national identity*. Moscow: Nauka. (In Russian).
- Tishkov, V.A., & Pivnev, E.A. (Eds.). (2018). *Historical Memory and Russian Identity*. Moscow: RAS. (In Russian).
- Touraine, A. (1973). *Production de la societe*. Paris. (In French).

Сведения об авторах:

Мchedлова Мария Мирановна – доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой сравнительной политологии Российского университета дружбы народов, главный научный сотрудник Центра «Религия в современном обществе» Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: mchedlova-mm@rudn.ru) (ORCID: 0000-0002-4635-1741)

Саркисян Ованес Лаврентьевич – кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой политологии Российско-Армянского университета (e-mail: hovhannes.sargsyan@rau.am) (ORCID: 0000-0001-5912-7936)

About the authors:

Maria M. Mchedlova – Doctor of Science in Political Science, Professor, Head of the Department of Comparative Politics of RUDN University, Chief Researcher in the Center “Religion in Contemporary Society” of the Federation Institute of Sociology – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (e-mail: mchedlova-mm@rudn.ru) (ORCID: 0000-0002-4635-1741)

Hovhannes L. Sargsyan – PhD in Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Political Science in Russian-Armenian University (e-mail: hovhannes.sargsyan@rau.am) (ORCID: 0000-0001-5912-7936)